

Артур Прокопчук

РАЗМЫШЛЕНИЯ

от Москвы до Тбилиси 1989—2014

Артур Андреевич Прокопчук Размышления. от Москвы до Тбилиси 1989—2014

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28264818

ISBN 9785449012043

Аннотация

Размышления очевидца о событиях двадцатилетия от перестройки через распад Союза и до появления новой России и Грузии. Поиски пути. Сбылась мечта предков о родовом гнезде...

Содержание

Вместо предисловия	5
Саду цвесть...	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Размышления от Москвы до Тбилиси 1989—2014

**Артур Андреевич
Прокопчук**

Фотограф Артур Андреевич Прокопчук

© Артур Андреевич Прокопчук, 2017

© Артур Андреевич Прокопчук, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4490-1204-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

2004 год в Москве для меня начинался тяжело – это был период практического уничтожения предприятия, созданного с «нуля» и успешно работающего более десяти лет. Два моих партнера разругались друг с другом на почве дележа прибылей. Когда появляются деньги, особенно большие, у многих нервы не выдерживают, дружба заканчивается. Примирить своих компаньонов, которые так и не сошлись во взглядах на эту тонкую материю, мне не удалось, они даже встречаться не хотели друг с другом, передавая через меня свои пожелания будущего раздела имущества. Мои партнёры бросили меня на съедение кредиторам, «ходокам» из разных социальных слоев: от бандитов, «крышующих» московский бизнес, до сотрудников УБОП, мало отличающихся от первых, от судебных приставов до милиции – от всей этой швали, размножающейся и растущей в числе с каждым годом, как культуры бактерий в чашечке «Петри». Партнёры разбежались и затаились, ожидая, что будет со мной, с фабрикой, зданием...

Денег на предприятии не стало, бухгалтерия с кассой исчезли, менеджеры воспользовались моментом и тоже испарились, прихватив выручку магазинов-клиентов, кредиторы-поставщики стали приходить сами или присылали «полномочных представителей», как правило с погонами. Я на-

чал выкручиваться... Ничего другого мне не оставалось делать, как расчленить, ставшее мне дорогим в прямом смысле слова предприятие. Так сказать, «чем я его породил, тем и...», это было трудной миссией, уничтожать собственными руками работающую фабрику, реализовать накопленное с годами имущество, закрыть офисы и распрощаться с сотрудниками, которых подбирали мы в свой коллектив годами. Я попытался сначала продать весь бизнес целиком, так как продажа одного здания слабо компенсировала труды, затраченные на фирму «АДВА+» за десятилетие. Здание по тому времени по рыночным оценкам стоило не более одного миллиона долларов, который ещё надо было получить. Продать фабрику вместе с оборудованием и «брендом» я попробовал, потратил на это более семи месяцев, но реальных покупателей было мало и предложенные ими суммы не соответствовали нашим оценкам. Ближе всех подошли к этому высокие представители исламской диаспоры, я даже чуть не поклялся, что сделаю обрезание, если дело сладится, но они так долго канителили, что мне пришлось положить этому конец – компаньоны и кредиторы наседали. Я попал в цейтнот. Наступал новый, и как я понимал, последний этап в моей бесконечной борьбе за выживание в непредсказуемой России. На следующий шаг в бизнесе у меня уже не было ни сил, ни желания, ни времени – шесть десятков лет жизни, с гаком, пролетели. Ощущение было такое, словно мир погружался в темноту, мрак обступал со всех сторон, к тому же

Россия, в целом, медленно стала возвращаться в «советское прошлое». С приходом к власти ставленника КГБ исчезли последние иллюзии насчет возможного движения государства по пути нормального европейского развития...

Светлым пятном тех лет оставалась только «моя Грузия», все более приобретающая черты цивилизованного государства. Не до конца разорённая семейством Шеварднадзе, она стала стремительно реформироваться при новом, молодом и энергичном президенте Михаиле Саакашвили. Мои дети, дочь с мужем, почувствовали «ветер перемен», вовремя, из-за обрушения цен, выкупили в Дигоми, пригороде Тбилиси, земельный участок и стали там строить дом. Шутя, я стал их называть латифундистами, а строящийся дом – фазендой. Рядом со строящимся домом, в начале 2004 года, после многих раздумий, мои дети приобрели еще с моей помощью и старый запущенный сад и стали подготавливать часть сада для виноградарства. Все как-то стало складываться удачно. Недаром, в начале зимы, в ноябре 2003 года, еще в старом доме в Харпухи (район серных бань в Тбилиси), мы были свидетелями необычайной радуги, перекинувшей свою цветную, ярко розовую арку от Авлабара до монастыря Вознесения, что находится на пригорочке за нашим домом. Это было провозвестником новой жизни – знамение свершилось через месяц, пришла, так называемая, «розовая революция», Грузия стала стремительно уходить от советского застойного прошлого. В Дигоми мой зять, Отар Вепхвадзе, заложил

фундамент нового дома (Дигоми – пригород Тбилиси), где и предполагалось разбить виноградник. Работы шли очень споро – корчевка старых деревьев, перекопка, внесение минеральных удобрений, поездки в питомники за виноградными однолетними и двухлетними саженцами – все радовало, все делалось впервые на «своей земле». Мне трудно передать эти ощущения другим – своя земля под ногами создает иллюзию незыблемости мира. Наконец, 18 марта мои дети приступили к высаживанию лоз, закончив все за пару дней. Все было завершено в разумные сроки, оставалось ждать и надеяться, привычное занятие...

Будущий виноградник и новый дом обещали несомненные радости, и московский провал пятнадцатилетних усилий в новом времени, в «рыночной экономике» советского образца, слабо понимаемой мной страны с «суверенной демократией», как-то уходили на второй план. Однако жизнь продолжалась, и я стал размышлять о новом этапе, привязанном к Грузии, к Тбилиси.

Не знаю, почему меня не оставляют до сих пор образы, которые я видел на немногих семейных фотографиях, чудом сохранившихся в советском лихолетье, во всех войнах и революциях XX века. Отчего звучат слова или отдельные фразы, которые я слышал от своих родных, оставшихся там, в Беларуси. Они переполняют мое воображение: мои прародители, их дела, частично вымышленные мной, достроенные моей фантазией или теми скудными сведениями, что я по-

лучил от тетушки Анны, нашей домашней «сказительницы», или моей мамы. Я натыкаюсь теперь, в дебрях Интернета, на места, которых я раньше не видел или не знал о них ничего. Меня волнуют невероятные совпадения, следы прошлого, которые настойчиво пытались мне сообщить что-то о моих «прапра», как, например, о Севастьяне и Марыле Валаханович, когда я проходил мимо их жилищ. Я, не зная тогда почти ничего о них, два месяца прожил в армейской казарме, расположенной во флигеле, в Станьково (Минская область), где когда-то жила Марыля, кормилица детей графа Эмериха Гуттен-Чапского.

Станьково Минская область (флигель, где жила моя прапрабабушка Марыля)

Кальвинистский собор и замок в Койданово, разрушенные советской властью в 1930-е. На этих откосах земляного вала в старом Койданава (сегодня Дзержинск) моя бабушка каталась зимой на санках...

Помню до сих пор. К сожалению, не дают себя забыть эти картины разрушенного города, этот «лунный пейзаж», который открывался в моем детстве в Минске, на площади Свободы, когда я выходил из дома за костёлом Пресвятой Девы Марии и шел через площадь в школу, точнее в единственный класс, еще не отремонтированного, наполовину разрушенного здания, где когда-то учился великий композитор Станислав Монюшко и дети известнейшей семьи белорусской шляхты, Ваньковичи.

(1944 год. Фото из фонда Белгосархива кинофотодокументов).

Немного о древнем роде Гуттен-Чапских, осевших на наших землях в XIV веке. Гуттен-Чапские следовали в своей жизни и деятельности фамильному девизу – «Жизнь – отечеству, честь – никому». Их отечеством стала земля Вели-

кого княжества.

«Гуттен-Чапские – древний немецкий род, получивший в XII веке титул графов Священной Римской империи. Со временем Гуттен-Чапские сблизились с польским королевским двором, а позже попали в Беларусь. Здесь они породнились с Радзивиллами. Одним из ярких представителей этого рода был Эмерик Гуттен-Чапский (1828—1896). Он получил образование в Москве, Санкт-Петербурге и Берлине. При дворе русского императора занимал видные должности: губернатора Новгородской губернии и вице-губернатора Санкт-Петербурга, позже возглавил Департамент лесного хозяйства. Находясь в этой должности, разошелся во взглядах с императором. Э. Гуттен-Чапский считал, что нельзя бездумно раздаривать леса и земли придворным, которые не могут с умом распорядиться свалившимся богатством.

Эмерик Гуттен-Чапский вышел в отставку и поселился в своем имении в Станьково, неподалёку от Минска. У него было двое сыновей – Карл и Ежи (Юрий). Карлу отец оставил Станьково, а Ежи – Прилуки.

Карл Чапский был губернатором Минска с 1890 по 1901 годы. При этом 30-летнем крупном помещике, землевладельце, заводчике и хозяине доходных домов, в городе появилась электростанция, водопровод, конка, телефонная станция общего пользования. Карл Чапский завершил строительство городского театра (ныне Государственный драма-

тический театр имени Янки Купалы), способствовал созданию санитарной службы в городе, общества любителей спорта, женских общественных организаций, воскресных школ и детских яслей, Минской женской гимназии. При нем Городская дума подготовила проект о введении всеобщего обязательного обучения детей. В период его деятельности на посту губернатора в Минске начали издаваться газеты «Минские губернские ведомости» и «Минский листок». В них впервые была опубликована поэма «Тарас на Парнасе».

(отрывок из очерка Оксаны Яновской "<http://www.expressnews.by>")

От того «Отечества» остались одни развалины, «погорелки», как мы в детстве называли разрушенные кварталы городов, среди которых мы жили. Нам ничего не досталось от того времени, от наших предков. После очередной войны исчезли даже «следы прошлого». Моя семья вернулась в Минск на развалины своего родного города. Нам, следующему поколению, наши оставшиеся в живых родители, смогли передать только Честь в их понимании, и я им благодарен за это воспитанное во мне чувство, которое не удалось искоренить советскому режиму.

Город медленно восставал из военного хаоса и разрухи. Беларусь заново строилась. Уцелевшие от всех нашествий постройки графской усадьбы в Станьково в наши дни отреставрировали, привели в порядок, но там живут чужие, а зна-

чит безразличные к этому месту люди. Родовые места беларусов за полтора-два десятилетия были вытоптаны российской империей, а потом новой советской властью, отутюжены войнами XX-го века. Дома, «родовые места», сады и земли наших предков исчезли в новое время, «фабрики рабочих» не достались и были разрушены, а «земля крестьянам» — так и осталась несбывшейся мечтой моих бабушек. Впрочем, советская власть разрешила иметь в деревне Цитва моей бабушке Эмилиии, учительнице с гимназическим образованием, две сотки в своем подворье, на которых она научилась выживать. Здесь она высеивала рожь для выпечки ароматного хлеба с тмином, здесь научила нас, мальчишек, жать серпом эту рожь...

Беларусь осталась в далеком прошлом, память о ней покалывает иногда мое сердце, но судьба давно распорядилась мной, и я оказался перенесенным в другой мир. Это была «обетованная земля», Грузия, куда я когда-то «эмигрировал», под воздействием моих детских воспоминаний о солнце, о тепле и абрикосовом саде в Ленинабаде (сегодня Ходжент), где меня спасала от туберкулёза моя мама. Я долго прожил в Грузии и не раз прощался с ней, уезжал из неё и снова возвращался, «как бумеранг». Там осталась часть меня самого, мои дети. Уже есть у них свой дом, строится второй, появилась, наконец, собственная земля, закладывается (в который раз?) «родовое гнездо», где моя дочь Ия с мужем Отаром пытаются возродить уничтоженные двухве-

ковым лихолетьем исторические семейные корни, дописать еще одну страницу в генеалогию рода. Отар и Ия в своих детях передают генетические особенности грузинских и белорусских предков следующему поколению, а там и другие поколения подойдут, и да не прервется род человеческий...

Саду цвeсть...

Ученик Платона и Аристотеля, великий философ и, вероятно, первый в истории человечества ботаник, Теофраст (370 – 285 г. д.н.э.) в своем труде «История растений» написал: «...сколько виноградников, столько и сортов винограда». Так что мы учли его наставления и приступили к закладке своего виноградника, взяв те лозы, что были нам доступны, а там – будь, что будет. В конце марта 2004 года в Дигоми, в пригороде Тбилиси, были закончены почти все наши «сельхозработы». 5

24 лозы 12-ти сортов винограда тоненькими робкими прутиками торчали из земли. Названия сортов звучали как персидские стихи и были как музыка – аладастури, тавквери, саперави и усахелаури (красные эндемики). И еще было высажено семь сортов «белого винограда», тоже старинные, проверенные временем грузинские лозы – чинури, хихви, ркацителы, горулы мцване и европейский белый мускат. Да, забыл, еще остались от прежних хозяев проверенные временем, тридцать кустов «Изабеллы», попавшей в Европу ещё в XVII веке из Америки. Укоренятся новые лозы или нет, что из них вырастет, мы не знали, но надеялись на успех, к тому же, помог с консультацией сосед, старый работник Института виноградарства и виноделия АН ГрССР. Я когда-то проработал в этом институте по совместительству пару лет,

устанавливал там современную технику – немецкий инфракрасный спектрофотометр, обучал работать на нём сотрудников отдела коньяков.

«Семейный подряд» был завершён к 20 марта, виноградник разбит – это был наш общий подарок к дню памяти моей мамы, родившейся 21 марта 1911 года. К этому времени уже стояли стены нового дома – плод художественного воображения Отара Вепхвадзе приобретал свои особые, неповторимые черты. Родовое гнездо становилось явью, но жизнь в городе налаживалась с большим трудом после гражданской войны. Работы не было, кормить детей становилось трудно и Отар с Ией приняли решение – легкие на подъем, завершив основные работы, они быстро собрались и уехали в Германию, «на заработки». «Железный занавес» исчез, люди не сразу это поняли, но выезжать из Грузии в «свободный мир» уже было можно. Новое хозяйство, – сад, дом и виноградник, – требовали дополнительных вложений. Дом надо было достроить, наладить проживание в нем, приобрести «тысячу мелочей», лучше, чтобы они были ещё и немецкого качества. Земля в Дигоми ждала Отара и Ию, своя собственная земля, основа человеческой жизни, фундамент для родового гнезда, она сулила в будущем спокойствие и устойчивое развитие, давала возможность реализовать давние планы – построить свою мастерскую, приобщить к творческому труду подрастающих детей, Георгия и Эрекле. Семена были брошены в добрую землю, хотелось увидеть и плоды этого

общего, семейного дела...

Мы ничего не знали, или почти ничего, об этом удивительном природном даре с таким красивым латинским названием – *Vitis Vinifera* – «лоза вино родящая». Хотя виноград и Грузия – неразделимые миры, а у Отара в генах должна была проснуться тяга к виноделию от его предков, от деда Павле, бежавшего через перевалы от очередной «советизации-коллективизации», из Имеретии в Боржомское ущелье. Павлу Вепхвадзе так и не удалось разбить свой виноградник в Боржоми, там зимы накрывают снегом все ущелье, от въезда в него до высокой скалы на повороте в Ликани, где он поставил свой дом, напротив «беседки Сталина». Прохлада Боржоми хороша для тех, кто скрывается от летнего зноя, а виноградной лозе нужно много света, солнца и тепла.

Нам долго не хватало чего-то связующего, объединяющего усилия всех членов разрастающегося клана, посвятившего себя искусству в трех поколениях, выпускников Академии Художеств. Керамика, живопись, графика разводили в разные стороны членов фамилии, еще вдобавок, младшего сына Отара и Ии, Эрекле, занесло в консерваторию, в класс гитары. И вот это «что-то», объединяющее всю нашу семью, вдруг появилось, как всегда случайно, что впрочем, нам только кажется. Земля – дом – сад – виноград – виноделие...

Нам открывалась древняя дорога, по которой шли и шли тысячелетиями прародители грузинского сообщества. Мне –

беларусу, что я иногда, подвергая сомнению, оставалось только «примазаться» к моим детям и не мешать им. К слову, в одной ветви нашего клана, мои бабушки, носили фамилию Валаханович, трактуемую мной, как производная от «Влохи», что по-польски означает «итальянцы» (уже ближе к виноградникам). Впрочем, и в древней Валахии, если бы мы на самом деле оказались выходцами оттуда, виноград рос тысячи лет тому назад, а керамическая иконка Святого Влаха, – несомненного покровителя Валахов, Валахановичей и Дубровника (Хорватия), с его виноградниками вокруг, – находится в моей домашней коллекции – жена привезла мне оттуда. Так что у меня появилось свое, может, и предвзятое, отношение к дигомскому саду и винограднику...

Виноградная лоза в Грузии появилась, по-видимому, намного раньше человека. Может быть, «человек разумный», неолит, еще только постигающий мир вокруг себя, собиратель его даров, и задержался здесь потому, что вкусил виноградных плодов, или, еще проще, нализался перебродившим соком раздавленных ягод и заснул в жаркий полдень в тени чинары. Керамические, глиняные сосуды, идеальное местоположение для хранения вина, давно известны историкам – археологические раскопки обнажили древний пласт человеческого быта в Грузии, датируемый шестым тысячелетием до нашей эры. Весь этот район «плодородного полумесяца», как его называют, – Закавказье, горы Таурус в Восточной Турции и северная часть хребта Загрос в Западном Иране,

дали человеку не только виноградную лозу, вино, но и хлеб, разнообразные сорта злаковых, пшеницу и ячмень, и многое другое. Бог позаботился и о «закуске». А что вино – это божественный напиток, ни у кого не вызывает сомнения. Создав в третий день творения «зелень, траву, сеющую семя и дерево плодовитое...» демиург-мастер увидел, «что это хорошо» и за пару дней закончил всю свою тяжелую работу. А потом «благословил седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел своих» («Ветхий завет», Первая книга Моисея, Бытие, 1, 2, 3). Я думаю, что творец не «всухомятку» освящал «дело рук своих», а лежа на облаке, раздвинул его десницей, бросил луч света на землю, чтобы лучше разглядеть её, поглядел еще раз на дело рук своих, на прекрасные долины и горы, реки и моря, и поднял чашу с вином, так как вопросов по технологии изготовления этого напитка у него быть не могло – все «ноу хау» будущего мира лежали на полках его заоблачной библиотеки. А земля под ним была, и правда, прекрасна, и полна лесов, садов и плодов в них, и винограда, и это была «земля обетованная», прародина картвелов – Картли (Грузия)...

«Земля обетованная» – Саскертвело

С приходом на землю «человека разумного» началась и новая жизнь виноградной лозы. Человек стал возделывать виноградники, а лоза стала формировать нового человека, заставила его применить свою ловкость и умение,

свой разум и память. Это происходило не одно тысячелетие, и косточки окультуренного винограда, отличающиеся по форме от косточек дикорастущей разновидности, датируемые примерно 6000 г. до н. э., были обнаружены в Грузии. Аналогичные находки из других мест датируются периодом с 6000 по 4000 год до нашей эры. Культивация виноградной лозы могла начаться только в эпоху неолита, когда люди стали разводить домашних животных и высаживать злаки в дополнение к охоте и сбору ягод, фруктов и других дикорастущих растений. «Потребность возделывать культурные растения, включая виноградную лозу, послужила мощным толчком к возникновению оседлого общества» (Род Филлипс, История вина, М. Эксмо, 2004). Из древней Колхиды виноград был вывезен и стал известен грекам и финикийцам. Описание виноградников и вина появились в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Судя по ним, греки добавляли в виноградное вино ароматы трав и цветы. Когда открывали сосуд с вином, распространялось благоухание роз и фиалок. В честь Диониса – бога вина – греки устраивали празднества, положившие начало развитию танца, поэзии, драмы и комедии. Произведения Эсхила, Софокла, Аристофана написаны для этих празднеств и исполнялись в театре Диониса в Афинах. «Люди Средиземноморья перестали быть варварами, когда научились выращивать оливы и виноград», – писал греческий историк Фукидид в конце V в. до н. э. (Из книги «История вина», Хью Джонсон, Издательство: BBPG).

Праздность, виноград и, главное, вино – этот дар щедрой земли и виноградной лозы на ней произрастающей, и солнца, – породили поэзию, а за ней и всю литературу. Гомер, Гораций, Омар Хайям, Петрарка, Гёте, Байрон, Пушкин, Тютчев – у каждого из них не одно произведение, посвященное винограду и его чудесному соку. Виноградная лоза у многих народов считается символом здоровья и плодородия. В античном мире почитались боги вина и виноделия: Дионис – у греков, Бахус – у римлян, Осирис – у египтян, Ортал – у арабов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.